

ВАЛЕНТИНА СТЕПАНОВА
ТАТЬЯНА ЕЛИЗАРОВА

*Смерть
счетовода*

Валентина Степанова

Смерть счетовода

<https://litres.ru/74046941>

SelfPub; 2026

Аннотация

В Москве, летом 1937 года, на своем рабочем месте, в обед был таинственно убит ударом по голове Василий Петрович Иванов - скромный счетовод конторы «МОССБЫТДРОВА». Леночку, юную секретаршу этого учреждения, удивляет, что никого не интересует это происшествие. Она решает найти убийцу самостоятельно. Леночка начинает собственное расследование, но ей кто-то мешает.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Смерть счетовода

Глава

ГЛАВА I. ПОРОГ

Убили Василия Петровича Иванова в жаркий московский полдень на своем рабочем месте в конторе «МОССБЫТ-ДРОВА», расположенной в одном из подвалов бывших доходных домов недалеко от улицы Пречистенки (Кропоткинской называть её местные так пока и не привыкли). Он был убит ударом по голове, на что указывала рана на его макушке с редеющими чёрными волосами. Сам он, обмякший, лежал лицом на своей амбарной книге, где ранее аккуратно обводил ручкой с пером цифры, написанные простым карандашом. Чернильница «непроливайка» лежала на боку и, однако, пустила все-таки несколько фиолетовых капель на аккуратные столбики цифр.

Василий Петрович Иванов был обыкновенным счетоводом и работал в обыкновенной конторе, которых в Москве тысячи. Он не общался лично с представителями домоуправлений, которые оставляли заявки на дрова для печей, каминов и плит, чтобы заполнить вовремя сараи своих домов для жильцов. Чаще всего сюда к ним отправляли дворников, которые по привычке, слегка кланяясь, оставляли свои заявки Леночке. Она была в конторе кем-то вроде сек-

ретаря для остальных сотрудников и начальником для низ-
кодолжностных посетителей.

Стол Василия Петровича стоял обособленно, в нише под
лестницей. Этот закуток в большой пятидесятиметровой по-
луподвальной комнате, ранее служившей складом у богатого
владельца дома, не был похож на кабинет. Но там приятно
ощущалась тишина и покой – маленькая норка среди боль-
шой, щёлкающей и шепчущей комнаты. Немного темновато,
но свет из окошка под потолком всю вторую половину дня
падал именно на стол, что было очень удобно. Василий Пет-
рович не имел дела с большими суммами денег, через него
не проходили крупные выплаты. Он не ездил в банк за зар-
платой, и работа его очень устраивала. В углу за его спиной
стоял маленький сейф, доставшийся с ключом ещё от про-
шлых хозяев. Ключ висел рядом на гвозде и убирался вече-
ром в ящик стола начальницы. Сюда складывали квитанции
и деньги, если они были в наличии.

Большой медный чайник пустил струю горячего пара и за-
свистел. Леночка, быстро встав со своего места, подкрутила
фитиль общественного керогаза и двумя руками поставила
пятилитровый сосуд на деревянную табуретку рядом.

- Чай кушать! – бодро провозгласила Леночка. Она весе-
ло тряхнула стриженной головкой, предусмотрительно разме-
стив очаровательные ямочки на своих полудетских щеках.
Быстро поднялись со своих рабочих мест те работники, кто
уходил обедать домой. Входная дверь несколько раз громко

хлопнула. Привычным движением Леночка расправила плечи и спину, голубую сатиновую блузку и чёрную прямую юбку. Взглянув в мутное зеркало на стене, она опустила крючок в скобу на входной двери помещения, закрываясь от посетителей на время обеденного перерыва.

Щёлканье счет тихо завершалось, и небольшой коллектив застучал кружками, стаканами и подстаканниками, - у кого что имелось. Зашуршала бумага, послышался стук яиц на некоторых столах, негромкие разговоры и смех. Конторщики готовились обедать во главе со своей начальницей. Карла Модестовна (которую за глаза все называли Каппой, так как по крещению она носила имя Капитолина) неспешно стянула синие сатиновые нарукавники.

- Степаныч, открой окно! Душно что-то! – томно сказала она седому высокому старику в толстых очках, сидящему рядом с ней у окон. Тот суетливо подвинул табуретку к окошку под потолком и распахнул его на полную ширь. Струя горячего воздуха с улицы ворвалась в прохладное подвальное помещение, принося с собой шум лошадей с подводами, автомобилей и голоса проходящих мимо людей.

- Ну что ты! Расхлебястил-то как! Жарко будет! – капризным голосом Каппа одёрнула Сергея Степановича. Она достала свой красивый подстаканник и салфетку с завернутым в неё куском пшеничной булки. Баночку из зелёного стекла с вареньем, покрытую вощёной бумагой и перевязанную тонкой бечёвкой, Карла Модестовна вынула из тумбы пись-

менного стола и поставила на столешницу. Её действия послужили сигналом для Леночки. Она взяла чайник и двинулась с ним по проходу к столу начальницы мимо шести других, стоящих друг за другом в два ряда. Конторщики сидели глядя друг другу в затылок и на столы Карлы Модестовны и Сергея Степановича. Леночка разливала кипяток по стаканам и кружкам тех работников, которые остались обедать в конторе. Она не забывала всем им улыбнуться светящейся молодостью, скромно опуская глаза.

Василий Петрович был у неё в очереди последний, но не потому, что сидел дальше всех. Леночка всегда старалась задержаться у его стола и произвести самое правильное впечатление. Он ей очень нравился: положительный, не юнец, с собственной жилплощадью. Внешность имел приятную, хотя уже и немного лысел. Он был обходителен и тих. Разговаривал со всеми вежливо и никогда не повышал голос. И даже уборщицу Макариху как-то успокоил своим обхождением, когда та сидела на табуретке рядом с Леночкой, раскинув ноги под широченной серой юбкой с визгливыми выкриками «о правде жизни». Надо сказать, что нравился Василий Петрович не только Леночке, но и самой Карле Модестовне. Она предпочитала не замечать свой заявленный ею самой сорокалетний возраст (по подозрениям сотрудников ей было гораздо больше), любила вызвать его к столу, чтобы, слегка кокетничая, дать указания. Перед этим ежедневным событием Карла Модестовна, прихорашиваясь, расправляла на

необъятной груди шёлковую блузку и неизменный маленький чёрный бантик у ворота, что, как правило, замечалось всеми присутствующими. Чаще всего эти общения с Василием Петровичем происходили после обеденного чаепития.

Леночка направилась к лестнице, которая вела к «чёрной» двери от квартир этого дома и давным-давно не использовалась. Она была много лет накрепко заколочена. Именно под этими ступенями и находился угол её надежды на светлое и уютное будущее в Москве. Еще шаг и вся картина непоправимой беды в один миг разрушит заветные мечты Леночки.

- Аааа! Ой! – громко запричитала Леночка, опустив чайник прямо на пол и сама медленно усевшись туда же рядом у стола Василия Петровича.

- Как это! Что это! Сюда... - Леночка обмякла и потеряла на несколько секунд свое девичье сознание. Головы шести человек разом в наступившей тишине направили все свои взоры в сумрачный угол...

Там они и увидели мертвого Василия Петровича.

ГЛАВА II. ОБИТЕЛЬ

Двухэтажный дом девятнадцатого века, стоявший особнячком в старых липах, принадлежал когда-то небогатой помещице, которая любила проводить зиму в Москве, коротая дни и вечера в визитах и чаепитиях. Теперь, в двадцатилетней советской России, первый и второй этаж этого дома занимали две большие коммунальные квартиры с одной огромной кухней внизу. В центре гудящей и всегда перепол-

ненной кузницы питания стояла плита, которая два раза в день топилась дровами. Вокруг этой кормилицы и кипела основная жизнь этих двух квартир из восьми и десяти комнат. В особняке находилась ещё одна печь на первом этаже. Она обогревала зимой несколько комнат задней части дома. Готовить на плите у этой печи было неудобно и возможно только в морозы. Лишь несколько счастливых в холодное время года могли поставить на неё чайники или горшки с едой, если успевали занять место. Дрова строго учитывались дворником и выдавались поштучно из сарая во дворе. Он очень уважал Василия Петровича, как особу причастную к распределению топлива. Дворник останавливал свою работу и вежливо раскланивался с ним каждое утро, когда тот выходил по скрипучей лестнице на службу минут за двадцать до начала рабочего дня. Летом важного жильца можно было видеть в льняном светлом пиджаке и таких же брюках, а зимой в драповом пальто и шапке из рыжеватой овчины.

Василий Петрович жил в коммунальной квартире на втором этаже дома. Комната его была большой и светлой. Практический склад ума подсказал Василию Петровичу, как устроить её максимально уютно. Слева у окна, за большим шифоньером, он поставил железную кровать с толстым матрасом, тремя подушками и простеганным одеялом. А справа, у другого окна, стоял круглый стол и несколько стульев. Окна выходили прямо в ветви могучих лип. Летом шелестящая листва, а зимой розовый закат и двор дома были часты-

ми сюжетами созерцаний, когда Василий Петрович пил чай. Собственное радио, висевшее на стене, с лихвой заменяло общение с соседями. Из бывших интерьеров ему досталось кожаное кресло, в котором можно было сидеть и слушать марши и песни молодой советской республики.

- Удивительный вопрос! Почему я водовоз? – Потому что без воды и не туды, и не сюды! – неслоь по три раза в день из радио, висевшего над креслом и радовавшего всякий раз Василия Петровича. Он ухмылялся и вспоминал свои дрова.

Несмотря на то, что Василий Петрович Иванов был уважаемым квартирантом этого дома, он старался в общественной жизни участия не принимать. В кухне, а тем более у печи, он появлялся крайне редко. В комнате была спиртовка, на которой можно было согреть воды для чая и даже сварить яйца на завтрак. Наличие этого немудреного приспособления Василий Петрович тщательно скрывал от окружающих. Спирт вообще одно из самых лучших и безопасных видов топлива: не коптит и имеет благородный запах перегара. Отсюда некоторые жильцы и считали Василия Петровича пьющим человеком, но удивительно умеющим выглядеть достойно, не иметь неприятного поведения и цвета лица. Достать спирт (или самогон) было очень тяжело и даже опасно, но этот вопрос у него решался просто. Мать Василия Петровича, Марья Гавриловна, имея неплохое для деревенской жительницы образование, три класса церковно-приходской начальной школы, служила заместителем председателя

большого колхоза недалеко от Москвы. Колхоз этот трудился для пользы небольшого количества совнаркомских¹ работников и, конечно, сына Васеньки.

¹ Совнарком РСФСР (1922-1946 г.г.) – высший исполнительный орган, учреждённый II Всероссийским съездом советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, фактически – правительство РСФСР.

По особому распоряжению свыше чистейший самогон там гнался из картофеля для хозяйственных нужд и «шнапсу». Пшеницу колхоз на полях не выращивал. Если и делался самогон на ней, то этому предшествовал обмен продукцией с другими сельскохозяйственными организациями. Двойная перегонка сырья - самогон получался высшего качества и горел восхитительно. На этой «валюте» работала не только спиртовка Василия Петровича. Благодаря ей, он заимел свое завидное положение на службе и в обществе, а так же свою жилплощадь. Все эти события случились при непосредственном участии и молчаливой дипломатии маменьки и её личных связей.

В комнате Василия Петровича справа от двери стоял огромный старинный сундук, неизвестно откуда появившийся в этой комнате задолго до того, как он здесь поселился. Именно на нём спала, со всеми удобствами, Марья Гавриловна, когда навещала сына. Взрослый и состоявшийся сын был предметом её особой гордости, как и «свой угол» в Москве.

Василий Петрович был не единственным её ребенком. Младший сын Марьи Гавриловны, Петр Петрович, работал в том же колхозе трактористом. Особых надежд на повышение по службе он не давал. Петенька играл на гармошке и развлекал девушек. Марья Гавриловна этого категорически не поощряла и девиц отгоняла от него, как мух. Все мысли и дела сыновей были под её неусыпной опекой.

Маменька была женщиной сурового нрава и любила порядок во всем. Когда она приезжала навестить сына в Москве, то даже на коммунальной кухне наступало временное перемирие. Она оплачивала продуктами все бытовые нужды Васеньки, такие как стирка, глажка белья и кастрюля супа. Женщины даже, поругиваясь, устанавливали между собой очередь на выполнение поручений Марьи Гавриловны для Василия Петровича. Колхоз выращивал овощи, имел фруктовый сад, большой коровник, свиноферму, бойню. Свежее мясо, сало и сметана привозились к его столу обязательно, а овощи и фрукты по сезону. Снабжение было регулярным и, как правило, затемно, чтобы не давать тему для разговоров односельчанам и не дразнить любопытство соседей Васеньки. Так несколько лет без скрипа и шума вертелся этот налаженный механизм, пока не случилось совсем непредвиденное.

Известие о смерти Василия Петровича, как и полагается, принес дворник Фарид. Он вошел в кухню, где стоял шум, кипели на плите кастрюли и баки с бельем.

- Большой беда пришла. Петровича со второй квартиры пришибли. Теперь полено экономить буду. На печь только в мороз давать буду. Беречь нада... - сообщил он и сразу вышел, не дожидаясь расспросов. Разом наступила тишина, но только на миг. Кухня вдруг ахнула и закричала. Потом были бабы, которые и заголосили, хотя и знать не знали близко Петровича, а только его мать. Одним словом – благодетеля не стало. Горластые тетki из двух соседних комнат сразу стали считаться между собой, кому более необходима его комната, чтобы занять её под свою семью. Но даже им было ясно, что бежать выяснять этот вопрос надо к домоуправу и не с пустыми руками, а там, как уж сложится.

ГЛАВА III. МАРЬЯ ГАВРИЛОВНА

Его величество «случай» занимал в жизни Марьи Гавриловны особое место. По странному стечению обстоятельств, до революции 1917 года² она работала горничной именно в этом доме у престарелой помещицы Сурковой.

² Октябрьская революция 1917 года – вооружённое восстание в Петрограде в октябре (по новому стилю – в ноябре) 1917 года, итогом которой стало свержение Временного правительства и установление советской власти. Рассматривается либо как самостоятельное историческое событие, либо как продолжение Февральской революции³.

³ Февральская буржуазно-демократическая революция, приведшая к свержению монархии и созданию Временного

правительства.

Или вот, например, со своим супругом она близко познакомилась, бегая отнести случайно забытую барыней шаль, когда та сидела в легкой двухместной коляске у дома. Красивый, черноволосый, почти двухметровый Петр сезонно нанимался Сурковой кучером и конюхом. У них с молоденькой Машей с первого взгляда появился интерес друг к другу. У Петра были свои собственные две лошади, которые он использовал не только для нужд барыни, но и для себя самого: подряды на доставку дров для железной дороги, доставки фуража для лошадей и на продажу. У Петра в собственном сарае на соседней улице стояла извозчичья пролетка, которая имела крытый поднимающийся верх и рессоры. Она также использовалась по случаю барыней или сдавалась Петром в аренду другим извозчикам. Комнату себе он снимал неподалеку. В доме у Сурковой бывал редко и Машу ранее видел только мельком. Не прошло и года, как они повенчались. Маша по-прежнему работала горничной, а Петр занимался лошадьми и перевозками.

Лето барыня с детьми проводила в своём поместье, откуда родом происходила и Маша. Туда, после рождения Васеньки его и отправили на руки матери и бездетной тетки. Там Васенька рос, ни в чем не нуждаясь, встречаясь с матерью по выходным и праздничным дням летом и зимой. По зимней дороге Маша с Петром приезжали в редкие выходные дни из Москвы на лошади, привозя всем домашним подарки.

- Дяденька Петр к Васятке приехал – оповещала из избы в избу друг друга деревенская ребятня.

- Дяденька Петр, прокати на извозчике, - просили ребяташки и он, посадив человек десять, а то и более детей, катал их по селу, но было это только зимой и на санях.

После церковно-приходской школы Васю перевезли в Москву. Его определили на обучение в гимназию, куда он успешно сдал все экзамены. Жил в пансионе при ней. Расходы на обучение Петр с Марьей оплачивали, не жалея скопленных денег. Завершить образование Васенька не успел, так как его учебное заведение закрылось в революцию. Лошадей у Петра конфисковали на фронт. Он пошел воевать вслед за ними в Красную Армию, не доверяя уход за лошадьми другим солдатам. Через некоторое время Маша записалась воевать за Советскую власть и искать своего мужа по фронтовым дорогам. Она его нашла, но недолго они были вместе. Война, тиф и голод забрали многих и Петра они не пощадили. Маша же добралась до дома матери, неся под сердцем второго сына Петеньку.

Василий тем временем жил в Москве у Сурковой, которую уплотнили до двух комнат в бывшем собственном доме. Жили они тяжело, но не голодая. Продавали золотые колечки да сережки, припрятанное столовое серебро бывшей помещицы. Они тихо сводили концы с концами. Шустрый паренек, сын её верной горничной, был находкой для пожилой плохо передвигающейся женщины, у которой в Москве ни-

кого из родных не осталось.

Зажав колечко в кулаке, он торговался изо всех сил, несмотря на свой тихий нрав: «Картошка то у тебя мороженная! Отдай весь мешок, кто еще возьмет. Смотри, дядька, уйду или у другого кого возьму! Мне ведь какая разница, у кого брать!»

Лет через пять Суркова тихо померла. Марья Гавриловна приехала в Москву и отстояла одну из её комнат за своим Васенькой. Помогли Гавриловне в этом бывший красный командир, которого она (опять же) случайно встретила на улице годом раньше, и бутыль самогона. Ею она одарила нужного человека. Да и сам грамотный Василий нашел к этому времени себе место службы. Рабочий человек стал. Он бегал, носил почту при какой-то редакции.

Жизнь тихо наладилась. Колхозные жернова крутились без остановки. Есть хотели все. Марья Гавриловна работать умела. Василий пристроился в «МОССБЫТДРОВА» счетоводом. При связях и возможности у Марьи Гавриловны достать продукты питания перевестись ему на заметную должность стало гораздо проще. И годы потекли.

Марья Гавриловна проверяла на ферме, как помыли бидоны под молоко, которое готовилось к отправке по адресам совнаркомовских работников в столице. Она не ленилась заглянуть, потрогать и понюхать каждый бидон. Строго спрашивала за чистоту и регулярно заставляла их даже прокаливать на углях. Привезти молоко, которое скиснет к вечеру,

было никак нельзя. Именно там, на ферме, и застала её запыхавшаяся, лохматая от спешки, девчонка с почты, зажавшая в руках телеграфную ленту. Ничего не подозревая, Марья Гавриловна вытерла руки о большой светлый передник и стала читать: «УМЕР ИВАНОВ ВАСИЛИЙ ПЕТРОВИЧ ТЧК ТЕЛО ВТОРОЙ ОТДЕЛ МИЛИЦИИ ТЧК ВАСИЛЬЕВА КМ». Руки её опустились, и вся она поникла, разом состарилась. Несколько минут тишину нарушали только мычание коров и отдалённые голоса доярок. Потом Марья Гавриловна тяжело встала, сняла передник и повесила на гвоздь столба. С трудом передвигая ноги, женщина шла в поселковый совет. Председатель был на месте, сидел под портретом «отца народов» и что-то писал почти печатными буквами. Марья Гавриловна положила перед ним телеграфную ленту.

- Иваныч! Отпусти Петьку с трактористов. Дай справку, что на работу в Москву отпускаешь. Прошлым месяцем подпиши! Богом молю! – Марья Гавриловна пустым взглядом смотрела на председателя. Он прочитал ленту, охнул и открыл верхний ящик стола. Суетливо стараясь, вывел две строчки текста и плюхнул внизу печать, на которой написал номер, сверяясь с книгой регистрации.

- Возьми, Гавриловна, пригодится тебе теперь, - сказал он, доставая из-за дверцы нижней полки шкафа полуторалитровую бутылку самогона.

- Пшеничный будет, - сказал он, слегка обнимая своего верного товарища. Завернул в мешковину посудину с проб-

ковой крышкой и проводил Марью Гавриловну до двери.

Петя был дома. Он хлебал щи прямо из чугуна и весело подсмеивался. Читал Петя потрепанную листовку от культпросвета.

- Собирайся, сынок! Вася умер. Надо комнату на тебя успеть переписать. В Москве теперь жить будешь. Маманьку не забывай там тогда, - она устало опустила на лавку у двери.

Они выехали на колхозной лошади со знакомым колхозным мужиком, когда летний вечер еще только начинался, чтобы затемно добраться до улицы Пречистенки. Утром следующего дня надо было решить все формальности по устройству Петра Петровича на жилплощадь Василия Петровича, а уж затем забрать тело сына. Да и непонятно было Марье Гавриловне, как это Васенька оказался в морге отдела рабоче-крестьянской милиции. Хотя к этому времени удивляться она уже разучилась.

ГЛАВА IV. КАРЛА МОДЕСТОВНА

Начальницей конторы «МОССБЫТДРОВА» Васильева Карла Модестовна стала еще на заре Советской власти. Точнее, не самой организации, а этим занятием в виде распределения дров между домами нескольких улиц. Как только годы разрухи стали немного забываться (это когда жгли в домах, что попадалось под руку, включая мебель и книги, старые разваленные сараи и прочие хозяйственные, потерявшие надобность, постройки), и начали прибывать в город лошади-

ные обозы с дровами, останавливаясь между Остоженкой и Арбатом. Зрелая грамотная девица с гимназическим образованием и твердой социальной ориентацией по собственной инициативе записывала в тетрадку очередность распределения топлива между домами. Была справедлива, имела приятную наружность и склонность к урегулированию мелких конфликтов между жителями. Всегда находилась пара мужчин или женщин, встававших на её защиту в ходе этих сложных процессов. Поэтому, когда назрел вопрос, кто именно возглавит эту важнейшую коммунальную структуру, никто не удивился её кандидатуре.

Счетовод Иванов Василий Петрович появился в конторе в первый год её существования. Приняла на работу Карла Модестовна его по «звонку с верха» и ни единого раза об этом не пожалела. Мало того, он очень был ей симпатичен, но, трезво оценивая свои сорок семь лет, она не питала надежд на взаимность. Однако, наряжаясь по утрам на работу в свежую отглаженную блузку с обязательным чёрным бантиком, она (почему-то) всегда задавалась вопросом: «А понравлюсь ли я сегодня Василию Петровичу?».

Услышав из угла под лестницей крики Леночки, в груди Капитолины что-то рухнуло. Она, тяжело опираясь полными руками на стол, встала и пошла на крик. Василий Петрович не производил впечатления живого человека совсем.

- Карла Модестовна! Что с ним? Потрогайте, может он живой еще? – за спиной столпились члены коллектива конторы.

Она потрогала руку Василия Петровича, которая была ещё теплой. Нашла на запястье место, где должен был прощупываться пульс, но там было тихо. Карла Модестовна закрыла свой рот руками, чтобы не закричать и не испортить себе репутацию начальника. Леночка и две сотрудницы заголосили. Мужчины находились в полном недоумении, страх читался в глазах у всех присутствующих в комнате. Леночке помогли подняться и отнесли чайник на место.

С темнотой в глазах Карла Модестовна, медленно переставляя ноги, пошла к своему столу, где с самым большим уважением разместился телефонный аппарат. Покрутив ручку старого этого агрегата, она сняла трубку.

- Алло! Девушка, соедините с отделом рабоче-крестьянской милиции...

Минут через двадцать в дверь забарабанили. Оказывается, она так и была еще на крючке с самого начала обеда. В результате выяснения деталей рабочего утра никакой ясности в обстоятельства смерти Василия Петровича внести не удалось. Те из конторщиков, кто вставал со своего места или выходил в расположенную на улице уборную, а затем на обед, видели его живым и здоровым. Он, не поднимая головы, шелкал счетами и, близоруко шурясь, писал в своей книге длинные ряды из цифр.

Посетителей сегодня уже больше не принимали. Тело Василия Петровича увезли в морг при милиции, а сами служащие еле дождались конца рабочего дня. Они покинули по-

мещение, чтобы быстрее отнести новости по своим дворам и домам.

Карла Модестовна уходила последней. Она закрыла на большой висячий замок дверь своей конторы. Тяжелый, кованный ключ опустила в ридикуль, который в свою очередь положила в другую большую сумку. Каппа шла вверх по улице, опустив плечи, заметно косолапя левой ногой. Волосы цвета спелой ржи, собранные в пучок, лохматил ветерок, вдруг налетевший откуда то из-за реки в этот жаркий летний день. Никому до нее не было дела. Карла Модестовна плелась домой к старушке матери и такой же престарелой тетке, чтобы упасть лицом в белую подушку и завывать, не сдерживаясь, как ей этого очень хотелось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.